

Для цитирования: Нехамкин, В. А. Проблема движущих сил исторического процесса и ее значение для философии истории: методологический аспект / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2024. — № 1 (99). — С. 61—72. — DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72. — EDN HQDEVE.

УДК 123.1+140.8

EDN HQDEVE

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72

ПРОБЛЕМА ДВИЖУЩИХ СИЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нехамкин Валерий Аркадьевич^{1,2}

¹ Московский государственный
технический университет
им. Н. Э. Баумана,
профессор кафедры философии;

² Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
профессор кафедры
социальной философии,
доктор философских наук, профессор.
Москва, Россия.

ORCID 0009-0007-6050-2861

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

Введение. В работе выделяется одна из главных тем философии истории – проблема движущих сил исторического процесса.

Выявлены конкретные движущие силы истории, выдвинутые в историософии.

Показаны определяемые проблемой движущих сил истории методологические аспекты становления философии истории в целом.

Цель — показать роль вопроса движущих сил в становлении проблемного поля историософии.

Методы. В исследовании использованы следующие общенаучные методы: моделирование, структурно-функциональный, системный и сравнительный анализ; движение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

Научная новизна исследования. Выявлены и проанализированы основные проблемы, существующие в философии истории. Автором показано, что одной из важнейших проблем, интегрирующей остальные историософские вопросы, выступает проблема движущих сил истории. Установлены конкретные движущие силы истории, анализируемые в историософии. Демонстрируется, что в методологическом плане проблема движущих сил в истории играет в философии истории особую роль в ряде аспектов: концептуальном, интегративном, тестовом, дополнительности.

Результаты. Показано, что проблема движущих сил в истории решает в историософии ряд задач. Во-первых, каждая конкретная движущая сила позволяет создавать новые теории в философии истории. Во-вторых, она формирует особую картину исторической динамики. В-третьих, позволяет рассмотреть различные факторы истории как главные в системе иных параметров, тем самым найдя их подлинное место при анализе исторического процесса. В-четвертых, демонстрирует необходимость совместного анализа различных движущих сил для создания общей исторической картины.

Выводы. В работе рассмотрены лишь некоторые конкретные движущие силы истории, но их выделение надо продолжать производить. Автором выделены четыре аспекта, раскрывающие особую методологическую роль проблемы движущих сил истории в историософии. В действительности их можно выявить и больше.

Ключевые слова:

философия истории,
проблематика философии истории,
проблема движущих сил в истории,
теория

Поступила: 09.01.2024

Принята: 21.02.2024

Дата печати: 30.03.2024

Права: © Нехамкин В. А. (2024).

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

Философия истории (часто называемая в России «историософией») — раздел философской мысли, где с теоретических позиций происходит осмысление исторического процесса, изучение связанных с этим анализом проблем. Эмпирический материал для подобного обобщения философам предоставляют иные дисциплины и прежде всего — историческая наука. С ней у философии истории складываются порой сложные отношения. С одной стороны, историческая наука дает философам эмпирический материал для создания их теорий. С другой стороны, историки часто не понимают, почему их информация о прошлом не может быть исчерпывающей и должна дополняться какими-то философскими «фантазиями». Кроме исторической науки философия истории берет сведения из социологии, психологии, филологии, этнографии, иных дисциплин. Значит, историософия носит по факту междисциплинарный характер.

Философия истории формально возникает сравнительно поздно: в XVIII в., когда данный термин впервые в Европе употребил Вольтер (1768 г.). После появления категории, она стала широко употребляться в философских построениях у И. Г. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, иных иностранных и отечественных (Н. И. Кареев, В. М. Хвостов, Л. П. Карсавин и др.) специалистов. Причем, процесс шел настолько быстро, что примерно через сто с небольшим лет после работы Вольтера в конце XIX столетия стало возможным делать даже обзорные работы по данному разделу [18]: столь много в нем накопилось эмпирического и теоретического материала.

Ускоренное становление философии истории говорит о том, что ее формирование началось гораздо раньше, чем появился термин: как минимум, с античности. Здесь возникли и исходные проблемы, ставшие фундаментальными вопросами историософии.

Изучение одной из проблем историософии — движущих сил исторического

процесса — и ее особой методологической роли среди иных изучаемых в философии истории вопросов посвящена данная работа.

Проблематика философии истории

Количество проблем, относимых к сфере философии истории, различно. Их список разнообразен в учебной и исследовательской литературе. Поэтому автор озвучит здесь собственный перечень фундаментальных историософских вопросов, существующих наряду с проблемой движущих сил истории.

Исторические «уроки» и способы их выявления. Во многих трудах античных, средневековых и последующих историков, философов звучала мысль о том, что история должна не только рассказывать о прошлом, но и чему-то «учить» людей, живущих в настоящем. Так, историк X в. Лев Диакон полагал, что история «учит людей одно одобрять и ставить <...> себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать» [10, с. 7]. В Новое время она часто начинает восприниматься как «учительница жизни» [1, с. 14]. К XVIII в. эта мысль становится преобладающей. Для Дж. Локка «нет ничего более *поучительного* (курсив наш — В. Н.) и в то же время *занимательного*, чем история» [11, с. 579]. Поэтому первая проблема, ставшая перед формирующейся философией истории, звучала так: как получить прагматическую информацию о минувшем? Впоследствии, в крайних формах эпохи Просвещения, любая история (информация о прошлом) вообще превратилась в «философию, которая учит нас с помощью примеров» (Г. Болингброк) [2, с. 11], «школу политики и нравственности» (Г. Мабли) [12, с. 10].

Поиск универсальной методологии исторического познания. И здесь следует отметить существенный вклад греческого историка Фукидида, начавшего разработку особых правил описания прошлого. При повествовании о Пелопоннесской войне (431 — 404 гг. до

н. э.) он ставил задачу «изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать события других со всей возможной точностью» [22, с. 13]. Фукидид разделил причины (страх Спартанцев перед ростом могущества Афин и их союзников) и повод (территориальные споры) конфликта; предположил, что события прошлого могут повторяться в будущем в различных формах (высказал гипотезу о циклизме как форме исторической динамики) [22, с. 14]. Отсюда можно отчасти согласиться с Э. Мейером, полагавшим: «Всегда будет один тип истории и *один метод исследования исторических проблем* (курсив наш — В. Н.) — тот, совершенный образец которого представил афинянин Фукидид» [13, с. 66]. Разумеется, впоследствии (особенно в Новое время) проблема «как правильно познавать исторический процесс, какими средствами?» осталась актуальной, разрабатывалась в рамках историософии.

Проблема форм исторической динамики. Она тоже возникает в античности. Суть отражает вопрос: как происходит становление исторического процесса — линейно, циклично, спиралевидно, коэволюционно [5], или каким-то иным способом? В Др. Греции и Риме на первый план выходит цикличность исторической динамики (Ктесий, Полибий и др.), находившая сторонников и позже (Дж. Вико). В Средние века и Новое время — линейный (выразившийся в концепции теологического исторического развития Бл. Августина и светских теориях общественного прогресса — А. Тюрго, Ж. Кондорсэ, Г. Гегеля, К. Маркса, О. Конта и др.). Он сочетался со спиралевидностью социального развития (марксизм).

Проблема роли личности в истории. Первые подходы к ней появляются у историков и философов Др. Греции и особенно Др. Рима. В целом согласимся с Э. Мейером, что вопрос о великих людях в истории — «вопрос о границах исторического влияния личности» [13, с. 61]. Суть вопроса: какое воздействие оказывает какой-либо обладающий по-

литической и/или духовной властью человек на ход исторического процесса? В античный период проблема решалась преимущественно волюнтаристически, т.е. личности придавали решающее значение в исторических трансформациях. Отсюда работы с названиями «Жизнь Александра Македонского» К. К. Руфа, «Жизнь двенадцати Цезарей» Г. С. Транквилла и т. д. Хотя и в рамках жизнеописаний, развивавшихся под влиянием волюнтаризма, позитивным оказался метод сравнения их пар, сопоставляемых по определенным критериям: Никей — Красс, Александр Македонский — Гай Юлий Цезарь и т.д. (Плутарх). Проявлялся волюнтаризм и позже у Т. Карлейля, Ф. Ницше, П. Л. Лаврова и других. Эпизодически в античности и на постоянной основе в Новое время при решении этой проблемы появляется течение объективизма, нивелирующее полностью воздействие великой персоны на ход истории (марксизм, Г. В. Ф. Гегель, Л. Н. Толстой), объявлявшее ее «игрушкой» в руках внешних факторов. Поиск баланса между ними продолжается до сих пор [14].

Характер исторической динамики. Поставлена в античный период. Суть проблемы: реализуется ли исторический процесс преимущественно через случайности, спонтанно появляющиеся факторы (флуктуации), или здесь действуют законы, как и в физическом мире? В отношении ее решения есть следующие позиции. Во-первых, вероятностная. Исторический процесс — совокупность случайных трансформаций. Он состоит из уникальных личностей, событий, их взаимодействия, а, значит, неповторим. «Случайное никак невозможно предвидеть», — утверждал еще в I в. до н. э. М. Т. Цицерон. Это ведет к тезису о невозможности существования законов и вытекающего из них прогнозирования в истории. Такую концепцию можно найти у неокантианцев (В. Виндельбанд и Г. Риккерт), а крайнюю форму она приняла в антиисторицизме К. Поппера. На основе знания минувшего можно лишь говорить о вероятности

наступления в будущем сходных событий и не более того (теория «охватывающих законов» К. Гемпеля).

Во-вторых, номотетическая, по которой исторический процесс управляется законами. Позиция присутствовала уже у ранних христианских теологов, базируясь на идее Провидения, т.е. позитивного «корректирующего» вмешательства Бога в исторический процесс. Так, А. М. Т. Бозций утверждал: «Никогда не допускал мысли, что организованное в таком порядке создание (окружающий мир — В. Н.) может быть движимо слепой случайностью. Напротив, я знаю, что создатель руководит своим творением» [3, с. 202]. На научной основе идея нашла отражение в позитивизме О. Конта и его последователей (А. Кетле, Л. Гумплович, В. Зомбарт, В. Вундт). Они выделяли от одного-двух до нескольких десятков законов исторической динамики [21, с. 123—150]. Номотетическое направление в историософии оказалось поколебленным сменой парадигм, переходом к неклассической науке в XX в., но не ушло из философии истории полностью.

Проблема смысла истории. Суть выражает вопрос: куда движется исторический процесс? Теологи (подобные Бл. Августину, И. Флорскому и др.) указывали на Царство Божие как конечную цель существования «греховного» Земного Града. Светские мыслители сводили проблему к выделению конечного идеального состояния общества. Одни искали его в прошлом (Гесиод, Конфуций) в когда-то ушедшем «золотом веке». Правда, Гесиод совсем терял оптимизм, видя в настоящем лишь социальный регресс, а Конфуций считал необходимым «скорректировать» современность разными способами (учение об «исправлении имен» и т.п.) по образцу идеального прошлого. Ряд мыслителей надеялись, что их социальный идеал будет достигнут в последующем развитии человечества (коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса). Третьи полгали, что смысл истории уже реализован в настоящем. От расположенных на неведомых островах утопий (Т. Мора),

«Городов Солнца» Т. Кампанеллы, «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона до более известных реальных мест. Для Г. Гегеля образец социальной организации — родная Пруссия начала XIX в., для Ж. А. Кондорсэ — революционная Франция конца XVIII в., откуда иные народы берут имеющиеся достижения. Даже в XX в. противник теории общественного прогресса и наличия законов истории К. Поппер увидел идеальным современное ему западное Открытое общество. Несмотря на имеющиеся недостатки, оно «гораздо честнее и справедливее» любых ранее существовавших типов социума [17, с. 8].

Проблема исторических альтернатив. В историческом процессе на определенных этапах его становления возможны были различные варианты прошлого (альтернативы прошлого), требующие научного и философского осмысления. Историческая наука, предмет которой константное, неизменное прошлое, не может без определенных методологических противоречий, изучать подобный объект. Вместе с тем некоторые историки решаются на такие «мысленные опыты» по изменению прошлого. Хотя потом произносят «очистительную» фразу: «в истории нет сослагательного наклонения». Корректней проводить подобные исследования в философии истории, где нет формального запрета на изменение прошлого в познавательных целях. Здесь можно отвечать на вопрос: что было бы, если? [15].

Проблема оптимальной периодизации прошлого. Ее суть отражает вопрос: на какие отрезки должна делить прошлое философия истории, изучающая его с теоретических (макро-социологических) позиций? Историки делают это по событийным основаниям, выделяя, например, сменяющие друг друга периоды: Античность — Средние века — Новое время — Новейшая история. На этой периодизации строятся учебные пособия по данной дисциплине. Такой подход критикуется за линейность, европоцентризм и прочие недостатки многими мыслителями (особенно сильно О. Шпенглером в работе

«Закат Европы»). В философии истории выработаны свои варианты периодизации прошлого: формационный, цивилизационный, постиндустриалистский, мир-системный подходы. Они делят исторический процесс на порожденные не эмпирическими событиями, а отдельными концепциями фазы (формации, цивилизации, мир-системы и т. д.). Выступают в методологическом плане как монистическими (формационный подход), так и радикально плюралистическими (цивилизационный), синтетическими (мир-системный, постиндустриалистский). Претендуют на охват всемирной истории. Совмещают линейность и циклизм как формы исторической динамики (формационный и цивилизационный подходы). Порой не могут дать однозначного названия современной стадии истории. Так, постиндустриальное общество выступает «технотронным», «сервисным», «постэкономическим», «посткапиталистическим», «супериндустриальным» и т. д. Уже в 1982 г. У. Драйзард заметил, что обозначение общества с приставкой «пост» «отдает каким-то осенним чувством увядания, <...> ощущением конца» [16, с. 344]. Привлекают для периодизации прошлого не только историю, но и географию (например, Восточная и Западная цивилизации, выделяемые в цивилизационном подходе). Критикуются оппонентами (в т. ч. историками) за излишнюю формализацию эмпирического материала, спекулятивность, пренебрежение фактами прошлого, некорректные обобщения, абсолютизацию европейского опыта и иные «грехи».

Таков, по мнению автора, общий перечень проблем философии истории.

Сущность проблемы движущих сил истории

Если рассматривать исторический процесс как определенный механизм, то следует констатировать, что он должен иметь свой, *специфический, управляющий им «мотор»*. Речь идет о движущих силах исторического процесса. Это

параметры (факторы), *детерминирующие становление и исход исторических событий, формы исторической динамики, перспективы* (смысл) социального развития. Дискуссия о них продолжается весь период формирования философии истории. Обобщим параметры, претендовавшие на роль движущих сил истории.

Божественное провидение как «мотор» исторических трансформаций. В античные времена и Средние века среди мыслителей бытовало мнение о том, что Боги (в Др. Греции и Риме) и Бог (в христианстве) вмешиваются в ход исторического процесса. Как сверхъестественные силы это делают? Во-первых, помогают отдельным личностям, праведникам. В античной мифологии ее герои обращаются в трудных ситуациях за помощью к своим Богам-покровителям и подчас получают ее. В христианстве тенденция трансформировалась в иную: Бог сам помогает избранным им личностям. Так, Анна Комнина вспоминала, что ее отец, будущий император Византии Алексей Комнин, везя в столицу (Константинополь) пленного варвара Виренния, остановился и уснул под деревом. Виренний освободился от связывавших его пут, забрал у полководца меч, но роковой удар не нанес. Анна объясняет такой «гуманизм» заступничеством Бога, «божественной силы» [8, с. 69]. Во-вторых, регулируют уровень зла в мире. Когда он заходит за крайние пределы, Боги (в античном мире) или Бог (в христианстве) вмешиваются в ситуацию. Наказанию здесь подлежат уже не отдельные «плохие» личности, а их коллективы. В Ветхом Завете есть примеры уничтожения населения некоторых «греховных» городов (Содома, Гоморры), так и значительной части человечества с помощью всемирного Потопа. История тем самым как бы «перезапускается», начинается заново: с оставшихся праведников. В-третьих, вмешательство Бога в конкретные события (по крайней мере в христианстве) имеет еще одну цель: утверждения на земле мира добра и праведности — Царства Божия.

Однако многочисленные случаи проявления зла в социальном мире, эпидемии, кровавые войны показывали, что вмешательством Богов/Бога полностью исторический процесс не объяснишь. Зло в нем сохранялось. Отсюда поиск движущей силы истории, таящейся в естественном ходе прошлого, продолжался.

Великие исторические личности — движущая сила истории. Если до Бога людям было порой далеко, то на Земле естественными вершителями их судеб казались наделенные политической или духовной властью лица: светские правители (фараоны, шахи, цари, императоры), духовные отцы, церковные иерархи и т. п. От их решений зависела порой жизнь конкретного человека (казнить его или нет?), или группы людей (начнется война или продолжится мир?). Поэтому еще задолго до формального появления философии истории у греческих и римских историков появляется «волюнтаризм» — течение, согласно которому воля властного лица — главная движущая сила истории.

Однако и такой фактор оказывался ограниченным. Наблюдение над историей показывало, что имеющая власть фигура не всесильна. Скажем, в 480 г. до н. э. царь Персии Ксеркс I хотел уничтожить войско полисов Др. Греции, но у него это не получилось. Морская же битва при острове Саламин вообще оказалась персами проиграна. Александр Македонский желал продолжать поход в Индию в 326 г. до н. э., но его солдаты отказались, и царю пришлось смириться. Получалось, что желания и цели великой личности — вещь одна, а их реализация, возможности — другая. Они далеко не всегда совпадают. Требовалось найти новую движущую силу истории.

Географическая среда (физический мир) как движущая сила истории. Для античных мыслителей, включая Аристотеля, было очевидно, что человек и общество существуют не только сами по себе, но еще и в определенном физическом и биологическом мире. Эта

среда обладала постоянной силой над людьми. Порой они ничего не могли с ней сделать. Например, в 79 г. два города мощной Римской империи (Помпеи и Геркуланум) погибли в ходе извержения вулкана Везувий. К XVI—XVIII вв. мысль о том, что географическая среда — полноправная движущая сила истории вышла в «лидеры», ее популярность совпала с терминологическим «рождением» философии истории.

В рамках анализа данного фактора философы пробовали на роль ведущих ряд параметров: климат (Вольтер, Ш. Монтескье и др.), тип воздуха, которым дышат люди (Ж. Боден и др.), наконец, с XIX в., вспомнили о водных ресурсах (не случайно Л. И. Мечников выделил три вида цивилизаций: речные, морские, океанические).

В XX в. географическая среда в целом стала фактором, создающим перед социумом проблемы, которые ему следует решать. В противном случае данное общество завершает свое бытие. Отсюда А. Тойнби назвал выделенный механизм «вызов-и-ответ». Л. Н. Гумилев же полагал, что главный «вызов» в лице «пассионарного толчка» приходит из космического пространства. Он приводит к «разогреву» одного из этносов, где начинают доминировать активные, «пассионарные» люди. Это стимулирует установление данной общностью контроля над иными народами (например, Монгольская империя в первой половине XIII в., прошедшая период быстрого территориального расширения). Но потом указанная энергия слабеет, а с ней убывает и сила данного этноса. А. Л. Чижевский считал космическое пространство еще одним фактором уже не только географической, но и природной среды, влияющей на общество. Усиление активности Солнца ведет к новым социальным катаклизмам (войнам, революциям).

Однако при рассмотрении географической/природной среды как движущей силы исторического процесса оставались ряд проблем. Во-первых, о ее роли. Является ли природа фактором, решающим образом определяющим

действия людей в настоящем, или она относится лишь к прошлому? Во-вторых, почему в сходных географических условиях одни народы развиваются быстрее других? В-третьих, каковы пределы воздействия географической среды на жизнь и деятельность людей?

Разум как движущая сила истории. Мощь человека на протяжении столетий непрерывно возрастала. Видевшие данный факт мыслители определили, что главный фактор исторической динамики лежит в развитии «человеческого разума». Под ним понимались совокупные интеллектуальные возможности человечества, базирующиеся на системе передачи знаний, повышении роли науки в жизни человека и социума, усилении его технической вооруженности. Становление Разума идет линейно, прогрессивно, путем передачи его достижений от одного народа другому. Тренд в наилучшей степени нашел отражение в работе Ж. А. Кондорсэ «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума». У Г. В. Ф. Гегеля данный фактор уже объективирован, воплощен в независимом от человека Мировом духе. Он по своему усмотрению вершит историю, использует людей (включая правителей) для достижения в историческом процессе собственных целей. В этом проявляется «хитрость разума». Наконец, в XX в. появляется учение о «ноосфере» — сфере разума, который может преобразовывать окружающий мир. Один из создателей такой концепции, В. И. Вернадский, поднял Разум как фактор истории даже на большую высоту, чем Г. В. Ф. Гегель. «...Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его *мыслью* (курсив наш — В. Н.) и трудом, становится вопрос о *перестройке биосферы в интересах свободного мыслящего человечества как единого целого* (курсив В. И. Вернадского). Это новое состояние биосферы, к которому мы ... приближаемся, и есть «ноосфера» [4, с. 241].

Впрочем, Разум как независимая движущая сила истории устраивал да-

леко не всех мыслителей. Во-первых, не удалось договориться об однозначном содержании данного фактора. Во-вторых, при таком подходе были не ясны факторы, стимулирующие развитие самого Разума. В-третьих, границы Разума, его влияния оставались неопределенными. В-четвертых, со ссылками на эмпирические факты (войны, включая Мировые; голод; революции; эпидемии; природные катастрофы и т.д.) оспаривалось линейно-прогрессистские схемы эволюции прошлого под воздействием данного фактора.

Уйти от подобных противоречий попытались в марксизме.

Материальное производство — еще одна движущая сила истории, которую «обнаружили» в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс. Способ производства материальной жизни (в единстве производительных сил и производственных отношений) образовывал экономический базис общества. Остальные его элементы (включая Разум, науку, религию, право, этику и т. д.) — надстроечные. Они однозначно детерминировались в классическом марксизме экономическим базисом.

Данная движущая сила истории четко объясняла происхождение идеальных основ исторического процесса (Разума, Мирового духа). Без ответа оставались вопросы о границах влияния экономического базиса на надстройку (в конце жизни Ф. Энгельс утверждал, что у последней есть своя, в некоторых рамках независимая от базиса, динамика), адекватности исторической реальности линейной схемы общественно-исторических формаций, их обязательной смены на уровне каждого государства или человечества в целом, неизбежности формирования коммунистической общественной формации. Поэтому и такой параметр как «мотор» исторических изменений оказался для многих историософов неприемлемым.

Масса (толпа) как движущая сила истории. Согласно данной позиции, вершителем исторических трансформаций выступают низы общества, т.н. «народные массы». Они, будучи обез-

доленной частью социума, чаще других общественных групп решаются на смену устоявшихся социальных порядков. Отношение к данной движущей силе двоякое. У марксистов, как классиков, так и последователей данного учения (В. И. Ленин) — позитивное. Народные массы становятся основой, двигателем революционных преобразований, но под руководством правящей партии, возглавляемой интеллигенцией. Они способствовали революциям во Франции (1789—1794 гг.), опыту Парижской коммуны (1871 г.), Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. в России. В капиталистическом обществе народные массы — источник свержения данного строя, перехода к социализму. На уровне теории народ — «создатель материальных благ», а потому «играет решающую роль во все исторические эпохи» [6, с. 365]. Он «двигатель прогрессивных общественных преобразований, революционной перестройки общественной жизни» [6, с. 367].

За пределами марксизма, особенно после социального опыта первой половины XX в., массы/толпы рассматривались как начало негативное, разрушительное, антиперсональное, антиинтеллектуальное. Революции в Европе 1789—1794; 1848; 1871 и тем более в России 1917 г. с последовавшей Гражданской войной виделись образцами деструкции, совершенными народными массами. Начал развиваться подобный подход в конце XIX в. Г. Лебон, продолжили — Г. Тард, Х. Ортега-и-Гассет. «Восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), «преступная толпа» (Г. Тард), «век толп» (С. Моковичи) и т. п. — так оценивали XIX и XX в. многие мыслители. Народ под руководством опытных вождей поднимается на бунт против существующего государственного строя. В толпе человек теряет личный разум, подчиняется коллективной психологии, совершает необычные (с точки зрения «нормального» индивидуального состояния) поступки. Но и при таком подходе масса выступает источником власти [7].

Выделение массы (толпы) как движущей силы исторического процесса породило новые проблемы. Сложно было определить содержание данного термина. Было не ясно: людей в толпе приводит к деструктивному поведению тяжелое материальное положение (как полагали марксисты) или призывы вождей? Почему последние в толпе сохраняют «ясность» ума (могут «быть в толпе собою», как отмечал Р. Киплинг в стихотворении «Если...»)? В какой мере действия масс объясняются общественной динамикой, а в какой — на базе личной психологии? Отсюда поиск субъекта, двигателя исторических изменений, продолжился в философии истории и далее.

Техника как движущая сила истории начала рассматриваться преимущественно с XX в. (хотя отголоски концепции можно найти в упомянутой работе Ж. А. Кондорсэ, где техника выступала одним из проявлений разума). Она являлась объективным фактором. В рамках данной позиции на технику и порожденные ей способы преобразования действительности (технологии) возлагали ответственность за ускорение социальных трансформаций. Л. Уайт, Г. Ленски, Э. Тоффлер и иные мыслители полагали, что техника (технологии) открывают перед обществом путь прогресса, влияют на его структурную динамику, каждую подсистему, внедряют в него инновации и т.д. Как отмечал О. Тоффлер, «технология является великим, *ревушим* (курсив наш — В. Н.) двигателем перемен» [20, с. 21]. Однако сторонники данной движущей силы не рассматривали ее самодовлеющей, ставили в зависимость от таких параметров, как «рост информации», знаний [Цит. по: 19, с. 211].

Рассмотрев основных «претендентов» на роль движущих сил истории (автор не надеется, что этот список когда-либо будет исчерпан) целесообразно выявить методологическое место указанной проблемы в философии истории.

Методологическое значение проблемы движущих сил истории в историософии

По нашему мнению, проблема движущих сил в истории играет особую роль среди иных рассматриваемых здесь с теоретических позиций вопросов. Она выражается в ряде аспектов.

Концептуальный аспект. Каждая конкретная движущая сила в истории, взятая по отдельности, позволяет построить свою, отдельную теорию или их группу. Так, если взять историческую личность за основу историософских построений, то получаем волюнтаристскую концепцию (абсолютизирующую роль отдельного человека в прошлом) и объективистскую (нивелирующую данного актора до полной зависимости от внешних обстоятельств, факторов — экономики, народной воли, Мирового духа и т. д.). Получается, что использование одной из движущих сил в концептуальном плане — важный фактор создания в историософии новых теорий.

Интегративный аспект. Выбранная исследователем движущая сила истории позволяет определенным образом структурировать имеющуюся в философии истории проблематику, заставляет ее носить системный характер, формировать определенную картину социальной эволюции. Здесь специфическим образом задаются смысл исторического процесса, доминирующая форма его динамики (линейная, циклическая, спиралевидная и т. д.), разрешается вопрос о наличии или отсутствии законов истории, происходит периодизация прошлого на макроуровне и т. д. Так, если движущей силой истории объявляется разум (Ж. Кондорсэ, Г. В. Ф. Гегель и т. д.), то развитие исторического процесса мыслится как линейный процесс, носящий прогрессистскую направленность, проходящий к «высшей» точке социальной организации через определенные промежуточные этапы, управляемый законами и т. д. Если же история развивается через эволюцию замкнутых, независимых друг от дру-

га «культур» (О. Шпенглер), то единой цели исторический процесс не имеет, законов — тоже, каждое образование циклически рождается, достигает расцвета, гибнет; универсальная периодизация прошлого находится под вопросом.

Тестовый аспект. В рамках некоторых движущих сил истории, изучаемых в историософии, на данную роль «пробуются» различные параметры. Так, среди географической среды как движущей силы ими оказались: климат, тип воздуха, преобладающие водные ресурсы данной территории и т. д. Тем самым каждый параметр путем мысленного эксперимента со стороны исследователя «тестируется» (проверяется) в качестве решающего фактора исторических изменений. Через их интеграцию создаются новые теории. Так случилось с механизмом «вызов-и-ответ» А. Тойнби, где вызовом со стороны среды могли служить климат, тип воздуха, водные ресурсы и т. д., но уже в совокупности; в концепции пассионарности Л. Н. Гумилева, где данные факторы объединял в систему приходящий из космоса «пассионарный толчок» и т. д.

Аспект дополнительности. Развитие философии истории показывает, что каждая движущая сила истории по отдельности ограничена. Поэтому историософским теориям приходится для дальнейшей устойчивости их синтезировать. Так, в материалистическом понимании истории движущей силой является не только материальное производство (экономика), хотя оно и выступает главным, но и народные массы и даже вожди, «правильно» понимающие ход исторического процесса.

Вместе с тем концепции, строящиеся на абсолютизации одной движущей силы истории, активно критикуют теории, базирующиеся на иной движущей силе. Так, материалистическое понимание истории остро полемизирует с его идеалистическими трактовками (где главным оказывается Разум), волюнтаристскими версиями решения вопроса о роли личности в истории и т. д.

Тем самым взаимная критика каждой движущей силы раскрывает их слабые места, обогащает познавательный процесс. В историософии складывается ситуация, характерная для науки в целом. Здесь, как отмечает И. Лакатос, «только *конструктивная критика* (курсив И. Лакатоса) с помощью *соперничающих программ* (курсив наш — В. Н.) приводит к реальному успеху» [9, с. 157].

В итоге движущие силы истории оказываются в своеобразной системе, где не только противостоят, но и дополняют друг друга.

Заключение

Проведенный анализ показал, что проблема движущих сил истории носит особый характер среди иных важнейших историософских вопросов. Она обладает рядом аспектов (концептуальным, интегративным, тестовым, дополнителем), позволяющим в снятом виде находиться в каждой из проблем философии истории, разрабатываемых здесь теориях. Причем от монизма, ведущего к абсолютизации каждой движущей силы истории, свойственного периоду формирования данного раздела философии в XVIII—XIX вв., мыслители переходят к формированию познавательных систем, где взаимодействуют различные параметры. Это говорит о влиянии на философию истории науки, ее неклассического и постнеклассического этапов, порождаемой ими методологии.

1. Боден, Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. — М. : Наука, 2000. — 411 с.

2. Болингброк, Г. Письма об изучении и пользе истории / Г. Болингброк. — М. : Наука, 1978. — 359 с.

3. Бозэций. «Утешение философией» и другие трактаты / Бозэций. — М. : Наука, 1990. — 414 с.

4. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. — М. : Наука, 1991. — 271 с.

5. Гречко, П. К. Концептуальные модели истории / П. К. Гречко. — М. : Логос, 1995. — 144 с.

6. Диалектический и исторический материализм. Под ред. С. М. Ковалева. — М. : Политиздат, 1968. — 392 с.

7. Канетти, Э. Масса и власть / Э. Канетти. — М. : АСТ, 2022. — 704 с.

8. Комнина, А. Алексиада / А. Комнина. — СПб. : Алетейя, 1996. — 704 с.

9. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос. — М. : Медиум, 1995. — 236 с.

10. Лев Диакон. История / Л. Диакон. — М. : Наука, 1988. — 240 с.

11. Локк, Дж. Сочинения. Т. 3 / Дж. Локк. — М. : Мысль, 1988. — 620 с.

12. Мабли, Г. Об изучении истории. О том, как писать историю / Г. Мабли. — М. : Наука, 1993. — 414 с.

13. Мейер, Э. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования / Э. Мейер. — М. : Изд-во Сытина, 1904. — 67 с.

14. Нехамкин, В. А. Модели роли личности в истории: достижения и пределы / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2018. — № 2 (70). — С. 24—33. — EDN XRCGPR.

15. Нехамкин, В. А. Парадигмы контрфактического моделирования прошлого в социальном познании: итоги, перспективы развития / В. А. Нехамкин // Социум и власть. — 2019. — № 5(79). — С. 7—18. — DOI 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18. — EDN YMWLZR.

16. Новая технократическая волна на Западе. — М. : Прогресс, 1986. — 450 с.

17. Поппер, К. Открытое общество и его враги. Т.1. Чары Платона / К. Поппер. — М. : Феникс, 1992. — 448 с.

18. Раппопорт, Х. Философия истории в ее главнейших течениях / Х. Раппопорт. — СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1898. — 180 с.

19. Семенов, Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней. Основные проблемы и концепции / Ю. И. Семенов. — М. : Старый сад, 1999. — 380 с.

20. Тоффлер, Э. Футурошок / Э. Тоффлер. — СПб : Лань, 2007. — 464 с.

21. Философия истории. Антология. — М. : Аспект-Пресс, 1994. — 351 с.

22. Фукидид. История / Фукидид. — М. : Ладомир, 1993. — 543 с.

References

1. Boden Zh. (2000) Metod legkogo poznaniya istorii [The method of easy knowledge of history]. Moscow, Nauka, 411 p. [in Rus].

2. Bolingbrok G. (1978) Pis'ma ob izuchenii i pol'ze istorii [Letters of the study and use of history]. Moscow, Nauka, 359 p. [in Rus].

3. Boecij (1990) «Uteshenie filosofiej» i drugie traktaty [Consolation by Philosophy and other treatises]. Moscow, Nauka, 414 p. [in Rus].

4. Vernadskij V.I. (1991) Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, Izd-vo «Nauka», 271 p. [in Rus].

5. Grechko P.K. (1995) Konceptual'nye modeli istorii [Conceptual models of history]. Moscow, Logos, 144 p. [in Rus].

6. Dialekticheskij i istoricheskij materializm [Dialectical and historical materialism] (1968). Moscow, Politizdat, 392 p. [in Rus].

7. Kanetti E. (2022) Massa i vlast' [Mass and power]. Moscow, AST, 704 p. [in Rus]

8. Komnina A. (1996) Aleksjada [Alexisada]. St. Petersburg, Aletejya, 704 p. [in Rus].

9. Lakatos, I. (1995) Fal'sifikaciya i metodologiya nauchno-issledovatel'skih program [Falsification and the methodology of scientific research programmes]. Moscow, Medium, 236 p. [in Rus].

10. Lev Diakon. Istoriya [The history]. Moscow, Nauka, 240 p. [in Rus].

11. Lokk Dzh. (1988) Sochineniya [Essays. Volume 3]. Moscow, Mysl', 620 p. [in Rus].

12. Mabli G. (1993) Ob izuchenii istorii. O tom, kak pisat' istoriyu [About the study of history. About how to write a story]. Moscow, Nauka, 414 p. [in Rus].

13. Mejer E. (1904) Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy istorii. Filosofsko-istoricheskie issledovaniya [Theoretical and methodological issues of history. Philosophical and historical research]. Moscow, Izd-vo Sytina, 67 p. [in Rus].

14. Nekhamkin V.A. (2018) Modeli roli lichnosti v istorii: dostizheniya i predely [Models of the role of personality in history: achievements and limits]. *Sotsium i vlast'/Society and Power*, no. 2 (70), pp. 24–33 [in Rus].

15. Nekhamkin V.A. (2019) Paradigmy kontrfakticheskogo modelirovaniya proshlogo v social'nom poznanii: itogi, perspektivy razvitiya [Paradigms of counterfactual modelling of the past in social cognition: results and development prospects]. *Sotsium i vlast'/Society and Power*, no. № 5 (79), pp. 7–18. DOI 10.22394/1996-0522-2019-5-07-18 [in Rus].

16. Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [The new technocratic wave in the West] (1986). Moscow, Progress, 450 p. [in Rus].

17. Popper K. (1992) Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T.1. Chary Platona [The Open society and its enemies. Volume 1. The Spell of Plato]. Moscow, Izd-vo Feniks, 448 p. [in Rus].

18. Rappoport H. (1898) Filosofiya istorii v ee glavnejshih techeniyah [The philosophy of history in its main directions]. St. Petersburg, Tipografiya Yu.N. Erlih, 180 p. [in Rus].

19. Semenov Yu. I. (1999) Filosofiya istorii ot istokov do nashih dnei. Osnovnye problemy i koncepcii [Philosophy of history from its origins to the present day. Main problems and concepts]. Moscow, Saryj sad, 380 p. [in Rus].

20. Toffler E. (2007) Futuroshok [Future Shock]. St. Petersburg, Lan', 464 p. [in Rus].

21. Filosofiya istorii. Antologiya [Philosophy of history. Anthology] (1994). Moscow, Aspekt-Press, 351 p. [in Rus].

22. Fukidid (1993) Istoriya [The history]. Moscow, Ladomir, 543 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V. A. (2024)

The problem of the historical process
driving forces and its significance
for the philosophy of history:
methodological aspect.

Sotsium i vlast/Society and Power,
no. 1 (99), pp. 61-72.

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72. [in Rus].

UDC 123.1+140.8

EDN HQDEVE

DOI 10.22394/1996-0522-2024-1-61-72

THE PROBLEM OF THE HISTORICAL PROCESS DRIVING FORCES AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE PHILOSOPHY OF HISTORY: METHODOLOGICAL ASPECT

Valery A. Nekhamkin^{1, 2}

¹ Moscow State Technical University
named after N.E. Bauman,

Professor of the Department of Philosophy;

² Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba,

Professor of the Department of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.

Moscow, Russia.

ORCID 0009-0007-6050-2861

E-mail: nechamkin@rambler.ru

Abstract

Introduction. The work one of the main problems of the philosophy of history — the problem of the driving forces of the historical process. The author identifies specific driving forces of history, put forward in historiography. The methodological aspects of the formation of the philosophy of history as a whole, determined by the problem of the driving forces of history, are shown.

The purpose of the article is to show driving forces issue in forming the problem field of historiography.

Methods. The author uses the following general scientific methods: modeling, structural-functional, systemic and comparative analysis; movement from abstract to concrete and from concrete to abstract.

Scientific novelty of the research. The author identifies problems existing in the philosophy of history and gives an analysis of these problems. The author shows that the one of the most important problem that integrates other historiographical issues is the problem of the driving forces of history. The specific driving forces of history are identified and analyzed in historiography. It is shown that, methodologically, the problem of driving forces in history plays a special role in the philosophy of history in a number of aspects: conceptual, integrative, test, and the aspect of complementarity.

Results. The author shows that the problem of driving forces in history solves a number of problems in historiography. Firstly, each specific driving force makes it possible to create new theories in the philosophy of history. Secondly, it forms a special picture of historical dynamics. Thirdly, it allows us to consider various factors of history as the main ones in a system of other parameters, thereby finding their true place in analyzing the historical process. Fourth, it demonstrates the need to jointly analyze various driving forces to create a common historical picture.

Conclusions. The work examines only a few specific driving forces of history, but they must continue to be identified. The author has identified four aspects that reveal the special methodological role of the driving forces problem of history in historiography. In fact, more of them can be identified.

Keywords:

philosophy of history,
problems of philosophy of history,
the problem of driving forces in history,
theory

Received: 09.01.2024

Accepted: 21.02.2024

Date of publication: 30.03.2024

Copyright: © Nekhamkin V. A. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.